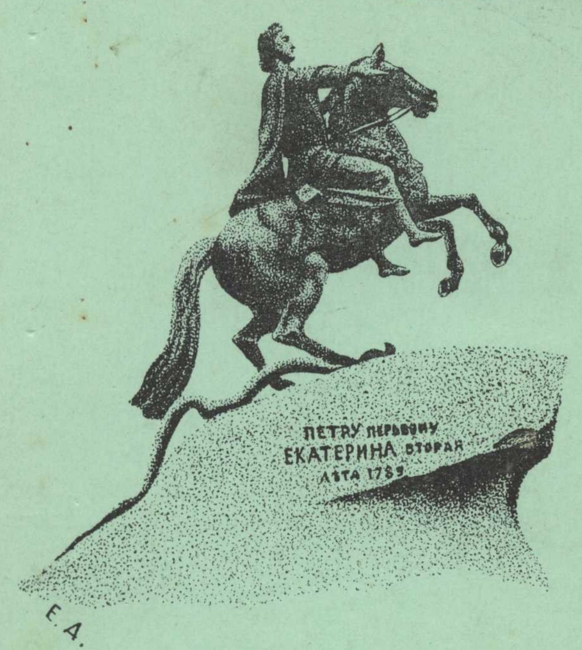
«А о Петрѣ вѣдайте, что
ему жизнь не дорога,
жила бы только Россія во
славѣ и благоденствіи».

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
из жизни в Царской России

Книга первая

МЮНХЕН 1954

10% с продажной цены издания отчисляются на образование фонда для создания домов для престарелых Россиян.

Алексей Даниловский:

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
из жизни
в Царской России

Книга первая

МЮНХЕН 1954

Druck: Dr. Peter Belej, München 13, Schleißheimer Str. 71, Germany

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Обращаясь к Вам, дорогие читатели, я должен прежде всего пояснить Вам причину, почему я взялся за перо и начинаю издавать свои воспоминания о прожитых мною годах.

Я буду писать о жизни в Царской России и в «советском раю», в котором мне пришлось пробыть целых 24 года, из которых пять с половиною лет проработать в советских концентрационных лагерях, и, наконец, о пребывании в Гитлеровских лагерях для Ost-Arbeiter'ов.

Эпоха советской власти должна быть полно и объективно освещена для того, чтобы молодое поколение России могло избежать тех страшных ошибок, которые привели Великий Российский народ к физическому и духовному порабощению сравнительно небольшой, но организованной группой большевиков, и мы — беженцы из СССР должны всемерно содействовать объективному освещению этой эпохи.

Появление моей первой книжки воспоминаний обязано исключительно той денежной помощи, которую заимообразно оказали мне из своих трудовых сбережений мои, переселившиеся в США, друзья.

Выход в свет последующих книг будет зависеть от того приема, который окажет им наша Российская Эмиграция.

Отчисление 10% от продажной цены издания на образование фонда для создания домов для престарелых Россиян принесет пользу лишь в том случае, если такое отчисление войдет в обычай у всех авторов и издательств, ибо один в поле — не воин.

СЕМЬЯ МАЙКОВЫХ И ТРЕСКИНЫХ

Моя прабабушка, по мужу Александрова, приходилась покойному Адмиралу Алексею Трескину тещей. Она была монгольского происхождения, дочерью никому неизвестных родителей, погибших во время войны. Совсем маленькой девочкой ее привезли в Ростов-на Дону Русские войска, возвращавшиеся в Россию после одного из победоносных походов в Среднюю Азию.

Сиротку отдали на воспитание в семью Настоятеля городского Ростовского-на Дону Собора.

Как часто случалось на юге, в те давние времена, она была выдана замуж очень рано — всего одиннадцати лет от роду. К мужу — местному помещику она переехала с целым багажем своих любимых кукол и игрушек.

По линии моей матери она была нашей родоначальницей. Ее кровь, как кровь первобытных народов, была особенно сильна и оказала большое влияние на весь, происшедший от нее род. Судя по сохранившимся дагерротипам, ее дети: Петр Кондратьевич и Александра Кондратьевна Александровы имели чисто монгольский тип.

Петр Кондратьевич женился на Ростовской барышне Анастасии Григорьевне Щербинской, а Александра Кондратьевна вышла замуж за Адмирала Алексея Трескина, от которого имела двух дочерей: Александру и Ольгу.

Когда мне пришлось, уже в старости, прожить месяца два в Казахстане, то среди местных женщин я встретил много лиц, очень походивших по своему типу на мою мать Надежду Петровну Александрову, по мужу Даниловскую, и на моих тетушек со стороны матери: Александру Алексеевну Трескину, по мужу Майкову, и на Ольгу Алексеевну Трескину.

Адмирал Трескин скончался до моего появления на свет, но его жену — мою двоюродную бабушку Александру Кондратьевну я помню очень хорошо.

Дети прекрасно чувствуют людей, и мы, ее внуки и внучка, очень любили ездить в гости к нашей бабушке, к тете Саше и тете Оле. Они принимали нас чрезвычайно ласково и тепло, поили нас чаем, угощали конфетами и при прощании набивали ими все наши карманы.

Мы чувствовали себя у них, как дома, и уезжали от них только после настойчивых уговоров матери.

Мы жили в то время в центре Петербурга, а Майковы жили на окраине — в Коломне, на Малой Мастерской. Путь к ним шел через весь город, и этот путь на наших Петербургских, медленно трусивших «Ваньках» того счастливого времени, казался нам очень длинным, а посещение наших родных целым событием в нашей скромной детской жизни.

В последний раз я видел бабушку уже в гробу. Она ничем не болела и, совершенно неожиданно для своих домашних, скончалась, как обычно говорят, от разрыва сердца, когда мне было всего шесть лет, но ее милый облик и ласковое к нам отношение очень ярко сохранились в моей памяти.

Жизненный путь бабушки не был усыпан розами. Ее муж Адмирал Трескин принадлежал к разряду людей деспотического нрава и железной дисциплины. Таким он был для своих подчиненных, таким он был и в своей семье. Все боялись его и ходили перед ним по струнке.

Адмирал жил и служил в то старое время, когда отношения между Императорским Домом и Дворянством были значительно проще и патриархальнее, чем в последующие Царствования. Это содействовало развитию у Адмирала Трескина природного деспотизма и самодурства.

Трескин не любил считать гроши, и потому у него не хватало иногда на жизнь тех средств, которые он зарабатывал службой. В минуты временных денежных затруднений он выходил из положения чрезвычайно просто:

Он надевал на голое тело свой адмиральский мундир со всеми орденами и отправлялся на прием к Великому Князю, стоявшему во главе Морского Ведомства, расстегивал перед Великим Князем мундир и, показывая ему, что он, за недостатком средств, не имеет даже белья, просил о выдаче ему пособия.

Великий Князь относился к таким выходкам своего Адмирала благосклонно и всегда удовлетворял его ходатайства.

Крутой нрав Адмирала тяжело отзывался на его семье, и следы этого гнета отразились и на общем облике моих тетушек, на их характерах и манерах.

Манеры тетушек и их способ держать себя, действительно, были совершенно необыкновенны. Наиболее странны были манеры у тети Саши, жены Леонида Николаевича Майкова — родного брата поэта Аполлона Николаевича.

И тетя Саша, и тетя Оля не ходили, как ходят обыкновенные люди, а как-то плыли на цыпочках в своих черных капотиках. Они говорили так, что даже привыкшая к их странностям моя мать далеко не всегда понимала смысл их речи, так как, собственно говоря, и речи у них никакой не было, а были какие-то отдельные восклицания, сопровождавшиеся вздохами, покачиванием головы, возведением глаз к небу и другими движениями мускулатуры лица, изображавшими большею частью скорбь, покорность судьбе и упование лишь на Господа.

Свои руки, как и все институтки, они держали впереди своей талии со сложенными на крест ладонями.

Они обращались друг к другу с ласковым словом «пухочка», в связи с чем моя мать называла их язык пуховицким.

Несмотря на все их странности, обе сестры были очень умны и образованы.

После смерти Адмирала верховная власть в семье Трескиных-Майковых перешла к тете Саше, как наиболее властной и умной. Тетя Оля обожала свою сестру и всецело подчинялась ей, и это обожание послужило непосредственной причиной ее безбрачия.

Властный характер тети Саши, смягченный ее умом и большим женским тактом, не был тяжел для ее мягкого по природе супруга Леонида Николаевича. Наоборот, он сильнее соединял их друг с другом и давал им ту душевную крепость, которая помогает нашедшим себя супругам совместно вести жизненную борьбу.

Майковы жили открыто и принимали гостей без особых приглашений, по строго установленным для приемов вечерам. Эти вечера посещали изредка и мы. Иногда ездил один отец, иногда бабушка Анастасия Григорьевна Александрова

со своей дочерью Надеждой Петровной Александровой, по мужу Даниловской — моей мамашей, иногда брали и меня.

Вечера были организованы по особому ритуалу: в кабинет Леонида Николаевича направлялись профессора, академики, литераторы и вообще люди с большим положением или именем. Бывал там часто и поэт Аполлон Николаевич и известный литератор и одновременно, артист Александринского театра Горбунов, и министр финансов Вышнеградский, и мой отец. Но, приглашая отца, тетя Саша делала несомненную ошибку, так как, по возвращении домой, отец выдавал нам все тайны этого ученого ареопага.

Эти тайны заключались в том, что в кабинете Леонида Николаевича никто не занимался учеными диспутами, как это можно было предполагать, судя по тому торжественному церемониалу, с которым тетя Саша отделяла избранных от других гостей, преимущественно дам, приглашавшихся в ее гостиную.

В кабинете для избранных передавали в это время друг другу городские и служебные новости, рассказывали анекдоты, шутили и смеялись.

Сановники от науки, литературы и администрации вели себя гораздо проще, непринужденнее и веселее, чем остальные гости в несколько чопорной гостиной тети Саши.

Высоко-научнообразованный Леонид Николаевич Майков занимал важный пост Вицепрезидента Академии Наук, но по своей природе был очень милый и простой в обращении человек, всегда сбрасывавший с себя в интимном обществе ту тогу, которую старалась накинуть на его плечи тетя Саша.

Таким же простым в обращении был и его непосредственный начальник — Великий Князь Константин Константинович — даровитый поэт К. Р., занимавший пост Президента Академии Наук.

И это родство душ двух больших Русских людей и создало между ними те простые, задушевные отношения, которые связывали их в их большой и важной для России работе.

***

Леонид Николаевич умер до начала первой мировой войны. Тетя Саша скончалась осенью 1914 года.

Тете Оле выпал печальный жребий при жизни потерять своих близких, столь любимых ею, людей и умереть в мрачные годы свирепствовавшего в России большевизма. В первые годы революции тетя Оля жила одна, занимая довольно хорошую по тем временам комнату в одной из боковых улиц Петербурга, выходивших на Садовую. До самой смерти она занималась переводами с иностранных языков книг и брошюр по заказам Академии Наук, с которой она все время поддерживала деловую связь. Когда я приходил проведать ее, то темой наших разговоров было обсуждение вопроса о скором падении советской власти. Близость ее падения казалась нам обоим неизбежной, но кто в те времена думал иначе!

Рассказывая о семье Майковых, я не упомянул еще об одном представителе этого рода — Владимире Владимировиче Майкове, и это было не случайно. Это произошло потому, что племянник Майковых Вова или Вовушка, как его называли домашние, не был равноправным членом семьи.

Вовушка появился в семье тети Саши еще в то время, когда был жив его отец Владимир Майков, семья у которого распалась. Ни отца Вовушки, ни его мачехи, от которой без ума был влюбленный в нее отец Вовушки, я ни разу не видел. Для Вовы не нашлось места ни в сердце его мачехи, ни в сердце околдованного ею его отца. Его приютила семья Леонида Николаевича, среди которой он и жил вплоть до страшного 1917 года. Вовушка только жил среди семьи Майковых, но не сроднился с нею. Лишь с Леонидом Николаевичем были у него теплые, родственные и даже, несмотря на значительную разницу лет, дружеские отношения, дававшие им возможность иметь свои маленькие тайны при отклонении от семейного ритуала, установленного и охранявшегося двумя сестрами.

В семье Майковых Вовушка всегда имел вид не свободного, а связанного по рукам человека, находившегося в полном подчинении у своих тетей.

Всю свою жизнь прослужил Владимир Владимирович в Петербургской Публичной библиотеке, и в ней, наконец, нашел он свое счастье.

Я убедился в этом, когда встретил его однажды в одном из продуктовых советских магазинов рядом с видной женщиной средних лет, покупавшей какие-то продукты. Эта дама оказалась избранницей его сердца. Он не познакомил меня с ней, и по этому поступку я понял, как дорога ему она, и как охраняет он свой интимный семейный очаг даже от родственных глаз. Я был очень рад увидеть его, наконец, у пристани, и если не капитаном пришвартовавшегося к пристани корабля, то хотя бы преданным капитану помощником. У каждого в жизни свой жребий.

ВСТРЕЧИ

ВСТРЕЧА С ГРАФОМ ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ТОЛСТЫМ

(по рассказу моей знакомой семьи)

Случилось это в 1902 году.

Наша семья жила тогда в Туле, за Киевской Заставой. Переехали мы в Тулу недавно и не знали ее окрестностей.

Видя, как местные крестьянки проносят по утрам мимо нашего дома лесную малину, захотели и мы, молодые барышни, сходить в лес за душистой, сочной ягодой.

Дороги мы не знали, зато знали народную пословицу: «язык до Киева доведет». Вот и стали расспрашивать о дороге всех попадавшихся нам на встречу прохожих.

«Ну вот, дойдете по этой дороге до первой развилки», сказали нам Тулянки, «да повернете влево. Так и доберетесь до малинника.»

На словах все было просто . . . На деле вышло иначе.

Добравшись до первой развилки, взяли мы налево, но вскоре стали нам попадаться новые развилки, и мы решительно не могли понять, по какой дороге нам нужно было идти далее. Встречных больше не попадалось, и потому пошли мы наугад. Шли долго. Отошли от дома верст на пятнадцать, а малинника все нет и нет. Устали страшно, да и проголодались, так как провианта с собою не взяли в надежде на вкусную малину и скорое возвращение домой.

Наконец, вышли в поле и вдали увидели старика-крестьянина в соломенной шляпе, посконных штанах и белой рубахе, боронившего поле. Лошадку вел мальчик.

Мы очень обрадовались этой неожиданной для нас встрече, но еще больше обрадовались, когда, подойдя ближе, узнали в этом крестьянине самого Графа Льва Николаевича Толстого.

Он ласково поздоровался с нами, объяснил нам, что в поисках малинника мы зашли совсем в другую сторону, и, оставив свою работу, повел нас к себе в усадьбу. Там, в саду, под большим деревом, накормил он нас свежим хлебом с маслом, молоком и яйцами. Потом велел заложить в бричку лошадь и с проводником отправил нас домой.

До самого выезда из усадьбы Лев Николаевич провожал нас пешком и все жалел, что вот, так далеко отошли мы от дома и теперь, уставшие, возвращаемся без малины.

Встречаясь с нами иногда при своем проезде в Тулу, Граф всегда останавливался и спрашивал, разыскали ли мы, наконец, малинник и много ли наварили на зиму варенья.

Мы знали в лицо всю семью Толстых и часто видели Графиню Софью Андреевну, проезжавшую с дочерьми в коляске. Графиня одевалась по-городски, а барышни разъезжали в платочках и ярких русских сарафанах и весело пели русские песни.

***

Мне лично на моем жизненном пути не пришлось встретиться с Графом Львом Николаевичем Толстым.

Из всех членов этой многочисленной семьи я познакомился лишь с Графиней Софьей Андреевной и с любимицей Льва Николаевича Графиней Александрой Львовной.

Графиня Софья Андреевна Толстая

Софью Андреевну я встретил в родовом имении Толстых, в Ясной Поляне, куда я ездил уже после кончины Льва Николаевича, чтобы поклониться праху его и посмотреть, как жил и в каких условиях работал наш великий Русский мыслитель и гениальный художник слова.

Мне отворила дверь сама Софья Андреевна и, узнав о моем желании осмотреть дом и кабинет Льва Николаевича, любезно пригласила меня следовать за ней.

Больше всего меня интересовал рабочий кабинет Льва Николаевича и я был поражен, когда Софья Андреевна ввела меня в маленькую комнату, в которой стоял маленький простой стол, за которым Лев Николаевич писал свои, прославленные всем миром, художественные произведения.

Большой дом, высокие, большие, почти пустые комнаты и маленький рабочий кабинет показались мне неуютными и лишенными той душевной женской теплоты, в которой больше всего нуждается человек, а тем более гениально одаренный. И не гнало ли Льва Николаевича из своего родового дома к своей, ушедшей из мира сестре Марии ощущение отсутствия той душевной теплоты, которое невольно сообщилось и мне при осмотре дома и разговоре со светской любезной Графиней, оставшейся одинокой хозяйкой этого опустелого, покинутого хозяином, дома.

Графиня говорила мне о своей привязанности ко Льву Николаевичу, о своем горе, поразившем ее после того, как она узнала о тайном, скрытом от нее, побеге Льва Николаевича. Она очень тяжело переживала все случившееся и, желая оправдать себя даже перед посетителем, которого она видела лишь в первый раз в своей жизни, она говорила о том, что Лев Николаевич не мог совершить своего поступка, если бы он был совершенно здоров и мог сознавать всю нелогичность своих, не обоснованных разумом, действий.

Я ничего не мог ответить ей на мучившие ее мысли и, полюбовавшись на висевший на стене большой чудный портрет Льва Николаевича кисти Серова, поблагодарил Графиню за ее любезность и, простившись с нею, пошел к тому заветному, любимому Графом месту в парке, где среди знаменитых трех березок нашел себе вечное упокоение Великий сын Великого народа.

Графиня Александра Львовна Толстая

18 сентября 1952 г. Александра Львовна приехала в Швейцарию для осмотра Heim-а Швейцарского Евангелического Общества.

Когда она вошла в нашу большую гостиную, перед нами точно открылся уголок нашей Родины, нашей подлинной России. К нам вошла милая, простая и в то же время величественная в своей простоте Русская Графиня Александра Львовна Толстая. Сколько сердечности, сколько теплого участия выражали глаза этой очаровательной Русской женщины.

Она пробыла с нами несколько часов, рассказала нам о положении русских беженцев за границей, говорила о том,

что деятельность Толстовского Фонда по облегчению их положения и по переселению их в другие страны будет продолжаться и далее, что нужда велика, но что во всех странах есть светочи, облегчающие ей это тяжелое положение. При этом она протянула руку Господину Пастору Доктору Hellstern в знак своей благодарности за его заботы о беженцах и за образцовую постановку этого дела в Швейцарии.

После осмотра нашего Heim-а и помещений, занимаемых Русскими, а также посещения больных, которых она утешала своими ласковыми словами, Графиня отбыла со своими спутниками на автомобиле в Цюрих.

Профессор инженер путей сообщения Николай Николаевич Митинский и его жена «Романовна»

1. Романовна

В семье и даже в некоторых общественных кругах Александру Романовну звали более интимно, просто Романовной. Не подходило к ней официальное именование по имени и отчеству. Слишком была она для этого бойка, жизнерадостна, весела и задорна. Любила людей посмотреть, любила и себя показать. Была умна и находчива, увлекалась сама, увлекала собою и других, и молодых людей, и пожилых ценителей женской обаятельности. Роста была высокого, здоровья крепкого, сложения стройного, того типа женщин, которых французы называют «belle femme», а в русских деревнях «ядреная», т. е. видная, румяная, широкоплечая, с высокой грудью и широкими бедрами, с красивыми ногами и руками.

Еще ученицей последних классов Петербургской Коломенской гимназии влюбилась она в молодого, темпераментного, красивого преподавателя русского языка Василия Константиновича Дружинина, складно скроенного, смуглого брюнета татарского типа, с живыми, насмешливыми глазами и здоровым румянцем на щеках.

Не устоял и он против привлекательной, бойкой и веселой Романовны и женился на ней вскоре по окончании ею гимназии.

От брака с ним Романовна имела трех дочерей, которым родители передали и живость характера, и восточную смуглость интересного отцовского лица с нежным розовым румянцем, и общую миловидность, а уж в быстроте речи никто не мог с ними состязаться. Когда выросли, то, бывало, как сойдутся все вместе, то наперебой стараются переговорить друг друга. Каждая спешит сама рассказать о всех своих впечатлениях, встречах и событиях дня, — где уж тут слушать сестер!

Первые брачные годы Романовны счастливо протекали в скромной семейной обстановке. С мужем жила она душа в душу, пошли дети, денег хватало на скромную жизнь, а к богатству Романовна не была приучена и в доме своих родителей.

Но счастье не долго баловало Романовну. Оно окончилось нежданно, негаданно. Тяжело заболел ее муж. Болезнь обнаружилась тем, что Василий Константинович утратил способность ходить по прямой линии и, проходя через дверь, непременно задевал за ее косяк — явление, связанное с повреждением мозговых центров, как началом поражения центральной нервной системы. Болезнь прогрессировала быстро, и Василий Константинович впродолжении четырех лет лежал в параличе на попечении своей молодой жены, самоотверженно ухаживавшей за мужем до самой его смерти.

Для Романовны наступили тяжелые годы. На ее полном иждивении и попечении оказалось четверо: тяжело больной муж и трое маленьких девочек, а денег не было; но сильная духом и волей Романовна не потерялась и бодро вступила в далеко не легкую борьбу за существование. Отпустила прислуг, сама выполняла все работы по дому и по присмотру за детьми, начала давать у себя на дому уроки детям и постепенно, при небольшой помощи со стороны своих небогатых родителей, справилась с материальными трудностями жизни.

Хороша русская пословица: «не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». Но Романовна родилась и умной, и пригожей, и счастливой. Не всякий умеет рассмотреть, понять, оценить и удержать даруемое ему судьбой счастье. Романовна все умела, все понимала, ценила и крепко держала в своих руках приходившее к ней счастье. А новое счастье было большое, и пришло оно совершенно неожиданно, в самые тяжелые минуты жизни Романовны, когда судьба готовила ей новую, лучшую, красочную жизнь, полную новой сильной страсти, нового счастья, нового материнства, жизненных удач, известности и благополучия.

Тяжелая, мрачная, кошмарная ночь проходила. Сквозь предрассветную дымку тумана пробивались розоватые лучи

побеждающего ночь солнца. Для Романовны наступал новый день.

***

Из Москвы были присланы родителями в столицу только что окончившие гимназию два родных брата Александр и Николай Митинские, сыновья Московского Присяжного Поверенного Николая Арсеньевича Митинского.

Среди Петербуржцев у них оказалась только одна, знакомая им, семья Дружининых, и потому в первый же день своего приезда они оба появились в скромной квартире Романовны.

От обоих веяло энергией, молодостью, жизнерадостностью, непосредственностью. В квартиру полуживого уже Дружинина ворвалась струя свежего воздуха, юношеской стремительности, жажды жизни, борьбы и счастья.

Прибывшие молодые люди понравились Романовне, но и Романовна произвела на молодых людей сильное впечатление, и с первого же дня тесная дружба спаяла их сердца. Они стали неизменными, постоянными гостями Романовны.

Осенью оба брата выдержали конкурсные экзамены и поступили: Александр — в Горный Институт, а Николай — в Институт Инженеров Путей Сообщения.

С приездом молодых людей Александра Романовна ожила, встрепенулась, почувствовала себя женщиной, способной еще увлекаться, но женщиной, уже опытной и в жизни, и в любви, женщиной, способной увлекать, очаровывать и покорять, способной дружбу молодых людей, незаметно для них самих, перековать в увлечение, любовь и страсть.

На пути Романовны стояло очень много серьёзных препятствий. Она это видела и ясно сознавала, но победа была слишком заманчива, и для нее, в ее тяжелом положении, совершенно необходима — и она решила выйти победительницей во чтобы то ни стало.

Основная трудность в ее положении заключалась в том, что она была на 15 лет старше молодых людей, с которыми так неожиданно и так счастливо свела ее судьба. Кроме того, на ее руках было трое маленьких детей и медленно умиравший в параличе муж. Средства к жизни были крайне

ограничены, и ей с большим трудом удавалось сводить концы с концами.

Молодые люди видели, что цепи Гименея здесь будут не легки, но молодость часто не задумывается над этим. Они были здоровы, сильны и обладали какой-то первобытной необузданностью в своих увлечениях и желаниях. Они оба влюбились в Романовну, и это обоюдное увлечение, вызывавшее чувство соперничества, еще более разжигало их молодую любовь.

Романовна сразу почувствовала, что произвела на молодых людей сильное впечатление, и сама заинтересовалась ими, найдя их умными, симпатичными и привлекательными по внешности; но, несмотря на свое продолжительное, вынужденное целомудрие, головы не потеряла.

Вначале она не могла даже решить, какой из молодых людей понравился ей больше, и только потом, ближе познакомившись с ними и лучше разобравшись в их душах, чувствах и мыслях, она отдала предпочтение младшему — Николаю. Даже выбранная им профессия оказала влияние на ее решение.

Так опытный рыболов умело и во-время подсекает клюнувшую на его удочку рыбу, не тащит ее из воды сразу, а долго водит ее по поверхности, пока она не утомится и не ослабеет и, только подведя сачок, вытаскивает ее из воды; иначе лишится он и рыбы, и удочки, которая будет оборвана сильно бьющейся рыбой и унесена в глубину вод.

Когда счастливый жребий обладания сердцем Романовны выпал на долю Николая, то между братьями произошло не только временное охлаждение, но полный разрыв отношений, на всю жизнь. Александр никогда не бывал в доме женатаго на Романовне Николая и даже в случаях неотложной необходимости переговорить с братом по какому-нибудь серьёзному делу, заходил к нему в его служебный кабинет на службу.

Отношения между братьями не восстановились и тогда, когда лет через двадцать, Александр женился; Романовна же сочла себя даже несколько оскорбленной таким прозаическим окончанием его любви к ней.

Было бы неправильно думать, что выбор Николая, как жениха и будущего мужа, дал ему какие-нибудь преиму-

щества. При страстных натурах и Николая Николаевича, и самой Романовны, ей нужно было проявить много силы воли, выдержки и женского чутья, чтобы не пасть раньше времени, чтобы стать женой Николая только после смерти Дружинина, после окончания Николаем Института и после их свадьбы. Она добилась своего счастья в жизни, но не было оно безмятежным и полным. Вечное сознание опасности, заключавшейся в молодости Николая Николаевича, вечный страх перед возможностью охлаждения пылких чувств к ней ее молодого мужа являлись той ложкой дегтя, которая портила так счастливо доставшуюся ей бочку меда. Романовна была женщиной боевой и никогда не уступила бы другой женщине завоеванного ею счастья. Не было поступка, а, может быть, и преступления, на которое не пошла бы Романовна в случае измены ей Николая Николаевича; но Николай Николаевич искренно любил и ее, и своих детей, и трех падчериц от Дружинина. Он не смотрел на других женщин и без устали, с увлечением, работал, добывая средства к жизни и стараясь быстро сделать научную и административную карьеру.

Романовна, со своей стороны, старалась дать Николаю Николаевичу ту спокойную и радостную семейную обстановку и домашний уют, которые были так необходимы ему при его научных работах и многосторонней инженерной деятельности. Да и по своему характеру, и по своей большой выдержке она, как нельзя больше, подходила к нервному, вспыльчивому, необузданному характеру Николая Николаевича. Подошла она и по общим с ним взглядам на жизнь и по желаниям завоевать в ней блестящее положение.

Как женщина, хорошо понимавшая натуру мужчин, она никогда не упускала случаев заинтересовать собою и других мужчин с целью лишний раз доказать мужу свою женскую привлекательность и неотразимость.

2. Николай Николаевич

Николай Николаевич был по своему уму, способностям, необыкновенной энергии, неукротимым страстям и желаниям, человеком выдающимся, одним из тех самородков, которые бурно выбиваются на поверхность из тучной Русской народной почвы. Он был талантливым инженером, уче-

ным, профессором, высоко-культурным человеком, но в то же самое время от него веяло какой-то дикой неукротимостью зверя, который , в борьбе за существование, в борьбе за женщину, за свою семью, за свои жизненные интересы не остановится ни перед чем, чтобы одолеть стоящие на его пути препятствия или своих соперников. Даже револьвер в его кармане, с которым он никогда не расставался, так же подходил к его дикой натуре, как кончик шелкового платочка, выглядывавший из верхнего кармашка светского человека. В то же время это был человек нежнейшей, любвеобильнейшей души, как муж и как отец своих собственных троих детей и трех падчериц от Дружинина, между которыми он не делал никакого различия.

Его работоспособность была изумительна. Я помню его по Институту, как он с горящими глазами, со всклокоченной головой прибегал к нам из других Институтов руководить нашими проектами, как перебегал от одного студенческого стола к другому, быстро давая всем указания и советы. Я помню, что ни одного раза я не застал его дома отдыхающим. Даже поздно вечером, после окончания служебного дня, он сидел за своим большим письменным столом и писал курс сопротивления материалов. Помимо службы на Николаевской железной дороге по двум должностям — Начальника 1 участка Пути и Заведывающего работами по переустройству СПБ узла, весь проект которого был им лично составлен, Николай Николаевич состоял Профессором по кафедре сопротивления материалов в нескольких Институтах: Путей Сообщения, Горном и Электротехническом, был гласным Городской думы и принимал живейшее участие во всевозможных комиссиях и экзпертизах по Министерству Путей Сообщения и городским делам.

Чем-то необыкновенно широким, сильным, но в то же время непосредственным и первобытным, могуче-русским веяло от этого необыкновенного, обаятельного человека.

На меня Николай Николаевич обратил свое внимание благодаря моему необыкновенно быстрому успеху в строительных делах.

Я пришел на Николаевскую дорогу в 1906 году совсем молодым еще инженером, крошечным, начинавшим дело, рядовым подрядчиком, а в 1912 году заканчивал крупные

строительные работы уже богатым, известным в деловых инженерных кругах, самостоятельным железнодорожным контрагентом.

По своей натуре Николай Николаевич был человеком успеха. Он выбился в люди самостоятельно, без чьей-либо помощи и любил таких людей. Поэтому чувствовал нежность и ко мне.

Мы, впрочем, подходили друг к другу и по своим характерам. Его нервность, вспыльчивость, необузданность парализовались моим спокойным, уравновешенным характером и выдержкой.

Я помню, как мы вдвоем, втечение целого месяца, составляли договор между Управлением Николаевской дороги и мною. Я представил ему свой проект, но он привык к типам кабальных договоров Николаевской дороги и потому весь его перемарал. Я взял свой, исчирканный им, договор домой и, в свою очередь, ввел в него поправки, парализовавшие его исправления. Так вели мы юридическую борьбу, переделывая договор несчетное количество раз, пока не достигли соглашения.

В процессе моих служебных с ним отношений у него проявилось одно интересное свойство: свойство актера. Оно проявлялось у него в том, что он сердился иногда чисто внешне, иначе говоря, попросту симулировал свое раздражение, желая взять человека на испуг.

Однажды, не добившись у меня согласия по какому-то вопросу, он с силой швырнул через весь кабинет мое дело, которое при разговоре держал в своих руках.

Считая поступок Николая Николаевича признаком окончания нашего разговора, я поднялся с кресла, на котором сидел, спокойно сказал ему: до свидания, Николай Николаевич, и вышел из кабинета. Видя, что такие выходки не производят на меня никакого впечатления, он больше к ним уже не прибегал.

Однажды мне пришлось быть свидетелем забавной сцены, в которой Николай Николаевич брал на испуг в своей конторе какого-то посетителя.

Шел крупный, громкий разговор, во время которого Николай Николаевич со всей силой бросил вперед стоявший рядом с ним стул, чем обратил посетителя в бегство, а сам

после его исчезновения, захохотал и спокойно ушел к себе в кабинет.

Николай Николаевич умер, если мне не изменяет память, зимою 1913 г. 39 лет от роду в полном расцвете жизненных сил, инженерного опыта, таланта и творчества. Умер как-то катастрофически неожиданно для всех, знавших его. Он простудился при проезде поздней осенью, в ненастную погоду, на дрезине, но, при своем нервном и горячем темпераменте, своей простуды не заметил.

Одновременно с ним заболела и Романовна, вследствие чего сразу же по возвращении домой он вызвал по телефону доктора. Когда доктор пришел и поздоровался с Николаем Николаевичем, то сказал ему: «я не видел еще вашей больной супруги и потому ничего не могу сказать о ее болезни, но сами вы больны очень серьёзно, и вам сейчас же нужно лечь в постель. Когда измерили Николаю Николаевичу температуру, то термометр показал 40^0.

Меня, к сожалению, не было в то время в Петербурге — я был на работах в Туапсе. Романовна, избалованная крепким здоровьем своего мужа и сама не оправившаяся от болезни, не поняла, какая опасность грозит Николаю Николаевичу и не приняла против нее всех необходимых мер предосторожности, не обратившись сразу к выдающимся врачам-специалистам.

Болезнь Николая Николаевича длилась около трех недель. Я узнал о ней только из поразившей меня своею неожиданностью телеграммы, извещавшей меня о его кончине.

Для меня, после смерти матери, это была самая тяжелая в жизни утрата. В заключение я приведу несколько биографических данных о деятельности Николая Николаевича. Более полные сведения о ней несомненно будут даны в соответственных научных и инженерных трудах, биографические же данные о жизни этих интересных людей могли бы бесследно изчезнуть, и потому я счел своим долгом сообщить их всем членам нашей Великой Русской Семьи.

С первых же лет своей инженерной деятельности Николай Николаевич шел от успеха к успеху. Блестяще окончив курс наук в Институте Инженеров Путей Сообщения, он был оставлен при Институте для подготовки к профессорской деятельности. Одновременно он был приглашен и в

Горный, и в Электротехнический Институты в качестве руководителя студентов при составлении ими технических упражнений и проектов. Через полтора года он блестяще защитил в парадном зале Института диссертацию по сопротивлению материалов и вскоре после этого был приглашен читать лекции по этому предмету в трех Петербугских Институтах, уже в должности Профессора.

Административная служба Николая Николаевича также проходила с большим успехом. Совсем еще молодым Инженером он получил на Николаевской железной дороге должность Начальника 1 участка Службы Пути и полагавшуюся ему по этой должности прекрасную квартиру в здании Николаевского вокзала, выходившую своими окнами на Знаменскую площадь, и казенную дачу в полосе отчуждения Николаевской дороги, на берегу реки Славянки, с большим фруктовым садом, хозяйственными службами, огородом и оранжереей.

Его научный и инженерный авторитет был настолько велик, что, несмотря на его молодость, ни одно важное техническое заседание Совета Управления Николаевской железной дороги, состоявшего из Начальника дороги, его Помощника, Главного Инженера и других Начальников Служб и происходившего под председательством Начальника дороги, не обходилось без его присутствия и его технических консультаций.

Н. Н. Митинским был составлен грандиозный проект переустройства и расширения Петербургского узла Николаевской дороги в пределах между Обводным Каналом и станцией Обухово на протяжении около 10 километров. Основная цель состояла в том, чтобы, одновременно с созданием громадной сортировочной станции, вынести главные пассажирские пути за пределы товарной станции с ее парками прибытия и отправления товарных поездов и сделать движение пассажирских поездов независимым от работы сортировочной станции, чего не было достигнуто раньше, до момента осуществления проекта Митинскаго.

Старая сортировочная станция имела тот недостаток, что главные пассажирские пути проходили по ее середине, вследствие чего все прибывающие товарные вагоны и платформы, после их сортировки, приходилось переводить из

парков прибытия в парки отправления, пересекая для этого главные пассажирские пути.

Такой способ, при интенсивном движении поездов, был слишком медленным и сопряженным с риском столкновения поездов.

По проекту Митинского, главные пути были вынесены за пределы товарной станции, проходили совершенно независимо от станционных путей и в точках пересечения с ними шли в разных уровнях. Пересекавшая их на пятом километре портовая ветка была поднята и проходила над главными пассажирскими путями по возведенной для нее высокой насыпи и по высокому мосту, построенному для пропуска под ним главных пассажирских путей.

На 9-ом километре выходные парковые пути проходили под высоким мостом, по которому шли главные пассажирские пути.

В местах пересечения Сортировочной станции проезжими дорогами на шестом и девятом километре были построены высокие мосты-путепроводы с устройством земляных к ним въездов, чем достигалась полная независимость, а вместе с тем и безопасность как для железнодорожного, так и для колесного и пешеходного движения.

К работам Митинский приступил, с разрешения Начальника дороги, еще до утверждения министерством его проекта и до открытия по этой причине кредита на работы. Оплата работ производилась из кассы дороги, дававшей Правительству большие доходы. Такое нарушение Начальником казенной дороги общих правил могло произойти только благодаря тому авторитету, которым пользовался на Николаевской дороге молодой Митинский. Начальство не сомневалось в том, что проект, составленный Митинским, будет утвержден Министерством, и это оправдалось на деле, а проявленная Советом Управления Николаевской дороги мудрость значительно ускорила окончание работ по этому важному для России переустройству Петербургскаго узла Николаевской дороги.

В тридцатилетнем возрасте Митинский состоял уже в должности Заведующего переусторойством СПБ узла Николаевской дороги по совместительству с его должностью Начальника 1 участка Пути, а еще через несколько лет он был

назначен на ответственный пост Начальника Технического Отдела Управления железных дорог Министерства Путей Сообщения.

В то время Митинский был уже у всех на виду, и нет никакого сомнения в том, что проживи он еще с десяток лет и не случись в России падения Царской власти, Российское Правительство имело бы в лице Митинского энергичнейшего и талантливейшего Министра Путей Сообщения.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

(отрывок из воспоминаний)

Жизнь моего молодого героя Леонида проходила в период, не слишком отдаленный от наших дней, но совершенно непохожий на современную жизнь, начиная с образа правления, когда жива и сильна была императорская Россия, и кончая техникой, так как это была эпоха наших милых извозчиков-Ванек, эпоха лениво двигавшихся старомодных двухъярусных конок, подолгу стоявших на разъездах в ожидании встречного вагона, эпоха громоздких «эриксоновских» телефонных аппаратов и грушевидных электрических лампочек с угольною нитью.

В политическом воздухе хотя и носилось ощущение «предгрозья» — порой и очень сильное, но жизнь все-таки оставалась еще устойчивой, размеренной и держащейся в определенных берегах.

***

В доме Николая Петровича Бельцина, в его имении под Петербургом, был званый вечер. Все жившие у него дачники получили на этот вечер приглашение и к назначенному часу собрались в большой зале Бельцинского дома. Всех гостей встречал радушный хозяин дома со своей симпатичной женой, сохранившей следы былой красоты.

Николаю Петровичу было лет за пятьдесят. Он был богат и не нуждался в доходах от дач, которые он отдавал в наем Петербургским жителям. Постройка в имении дач объяснялась лишь общительностью и гостеприимством Николая Петровича, любившего общество.

Для гостей был сервирован стол. Их поили чаем, угощали тортами, конфетами, ягодами, после чего начались танцы.

На вечеринку собрались все дачники. Было много молодежи. Были студенты университета, студенты медики, педагогички, художницы и только-что перешедший в восьмой класс гимназист Леонид Надеждин. Таким скромным обще-

ственным положением обладал он один. Все стояли на более высоких ступенях научно-образовательной лестницы.

Общество очень скоро разбилось на группы. Старые дачники, жившие в имении Бельциных и в прежние годы, держались несколько обособленно от новых. Новые также разбились на несколько групп, в зависимости от возраста и от тех внутренних и внешних свойств, проявление которых интуитивно сближает или отталкивает людей, встречающихся в жизни в первый раз.

В одну из групп сразу же вошла понравившаяся друг другу молодежь семьи Бельциных и семьи Надеждиных. Все они были почти однолетки, и как-то сразу подошли друг к другу.

Петр Николаевич Бельцин только что перешел на второй курс юридического факультета Петербургского Университета. Он производил симпатичное впечатление, был прост в обращении, красив, но несколько медлителен в движениях и не по летам солиден. Он сразу же почувствовал симпатию к Петру Алексеевичу Надеждину и подружился с ним.

Петр Надеждин — студент 2-го курса Императорской Военно-Медицинской Академии был изящен и красив, имел очень большой успех у женщин и поражал всех необыкновенно нежным, белым цветом лица на фоне мягких волнистых черных волос головы и пушистых усов, красиво обрамлявших его небольшие, яркие, чувственные губы.

Вторую пару составляли Ольга Николаевна Бельцина и Маргарита Алексеевна Надеждина.

Ольга Николаевна, перешедшая весною на второй курс Педагогического Института, принадлежала к разряду тех интересных девушек, которые своею, бросающеюся в глаза, яркою, красочною наружностью невольно останавливают на себе особое внимание мужчин.

При хорошем сложении и среднем росте, она обладала очаровательным лицом. Темно-каштановые, волнистые волосы, темные выразительные, всегда оживленные глаза, окаймленные длинными темными ресницами и оригинальными бровями уголком, нежный, розовато-смуглый цвет лица, правильные очертания носа, губ и подбородка приятно гармонировали с общим обликом ее красивого лица. Ей очень шли самые яркие цвета кофточек, которые она всегда

носила. В ней не было особой нервности, но чувствовалась порывистость и обостренная впечатлительность. Она всегда жила воспоминаниями о прошлом, которое казалось ей обычно лучше настоящего, и надеждами на будущее. Настоящее казалось ей неинтересным и никогда ее не удовлетворяло.

Маргарита Алексеевна Надеждина — ученица Рисовальной школы барона Штиглица, была барышня видная, с красивой стройной женственной фигурой, с открытым милым лицом и чрезвычайно искренними глазами настоящей русской женщины.

Без пары остался лишь семнадцатилетний гимназист 8-го класса Леонид Надеждин. Ему, впрочем, не пришлось долго тосковать об этом, так как в самом начале вечера из внутренних комнат вышла в зал Ольга Николаевна. Вышла . . . и сразу очаровала Леонида. Очаровала в тот самый момент, как только он в первый раз взглянул на нее.

Как странно возникает и в мужчине, и даже в юноше, чувство очарования женщиной! Иногда оно возникает мгновенно, как молния. Ударит, вот . . . и поработит человека, наполнив его ум и сердце непреодолимым желанием видеть, говорить и слушать так мгновенно зачаровавшую его женщину. И не нужно для этого ни взаимных разговоров, ни длительного знакомства. Ничего не нужно. Ничего, кроме искры Божией, таинственно вложенной в сердце человека. И эта искра, порождая любовь, дает человеку высшее на земле счастье. Она содействует его нравственному совершенству, она вдохновляет человека на работу, способствует развитию его природных способностей и талантов, очищает его душу и ведет к подвигам и жертвам.

Эти мысли не приходили в голову семнадцатилетнему Леониду, и даже любви не почувствовало сразу его юное сердце. Его взволновало лишь недостаточно осознанное им еще очарование при виде такой красивой, такой обаятельной барышни.

Ольга Николаевна не обратила на Леонида никакого внимания. Даже не заметила его. Она была поглощена собою. Лишь год назад она окончила гимназию. Год проучилась на Педагогических курсах. Имела много подруг, выезжала на балы и видела, как останавливаются на ней пристальные

взгляды заметивших ее и оценивших ее красоту мужчин. Она была молода, красива, здорова, весела, имела успех в обществе, но ни в кого не влюблялась и надеялась на свое счастье в будущем.

На даче у нее создался свой собственный распорядок дня. Свое утро она проводила дома. Часов в десять ее яркая кофточка уже мелькала мимо ряда дач, тянувшихся по обоим сторонам единственной в имении дороги, шедшей вдоль берега реки Луги. Непосредственно за дачами, между дорогой и берегом реки, шел большой, обычно безлюдный, верхний парк — конечная цель утренних прогулок Оленьки.

Когда на следующее после первого званого вечера утро Ольга Николаевна прибежала своей быстрой, порывистой походкой в парк, то она немало изумилась, встретив там скромного на вид гимназиста, с которым она познакомилась вчера на вечере. Это был Леонид. С самого утра забрался он туда и издали следил за появлением на дороге яркой кофточки.

Еще более изумилась Оленька, когда встретила она Леонида Алексеевича, как она называла его, и на следующий день. Но когда эти встречи приняли постоянный, как бы закономерный, характер, то исчезло и изумление, и сменилось оно включением Леонида в списки постоянных Оленькиных поклонников.

В первый период ухаживания за Оленькой Леонида смущало и волновало появление на дачном, Бельцинском горизонте Гоши Гударова, начавшего, было, ухаживать за Ольгой Николаевной. Как студент, он имел большое перед Леонидом преимущество, но Леонида выручала умственная ограниченность Гударова, его близорукость, его неподвижность, и главное, отсутствие у него того непосредственного увлечения Оленькой, которое так мгновенно и так сильно захватило Леонида.

Пока Гоша Гударов разглядывал в свое пенснэ пронесшуюся по дороге яркую, красочную фигурку Бельциной, Леонид был уже с ней и высмеивал неподвижность и неловкость Гударова.

Загоревшиеся так бурно в Леониде чувства к Бельциной своею искренностью и непосредственностью вызывали и с ее стороны, если не взаимность, то, во всяком случае, располо-

жение и симпатию к нему, как к человеку, признавшему ее превосходство перед всеми другими барышнями, как к человеку, покоренному и зачарованному ею как женщиной.

Ведь у каждой барышни и женщины всегда существует некоторое любопытство к тому впечатлению, которое она производит на мужчин, и только на очень противных ей физически людей не обращает она внимания.

Настойчивые ухаживания Леонида за Бельциной стали скоро притчей во языцех. В мирной дачной жизни было так мало интересного, что люди поневоле стали обращать свое внимание на такие маленькие события, как влюбленность юного гимназистика в интересную и притом всем известную в округе барышню.

Одним из обычных развлечений дачников бывает встреча на местной железнодорожной станции проходящих поездов, независимо от того, ожидают ли они приезда к себе гостей, или нет. Так повелось и у образовавшегося на даче содружества Бельциных с Надеждиными.

Эта прогулка на местную станцию Варшавской ж. д. «Преображенскую» была даже интереснее и красивее других.

Имение Бельциных лежало на левом, высоком берегу реки «Луга». Станция была построена на правом, низком берегу. На станцию, находившуюся в расстоянии одного километра от усадьбы, можно было очень удобно дойти по высокому ж. д. мосту, перекинутому через реку «Луга», свободный проход по которому был разрешен ж. д. Управлением.

Весною, в период паводка, узенькая речушка выходила из своих берегов и заливала своими вешними водами широчайшую пойму, неожиданно превращаясь в широкую, красивую, многоводную реку. С высокой железнодорожной насыпи открывался превосходный вид на искрящиеся под солнцем далекие водные просторы. И как гармонировали эти могучие вешние воды с обрамлявшей их темной зеленью леса, и с серовато-дымчатым, сквозным, воздвигнутым на высоких каменных опорах, мостом, особенно, когда по нему проносился поезд с развевающимся, как вымпел, длинным, волнистым облаком пара! Поезд казался тогда мощной эмблемой спокойного человеческого труда и мирной, созидательной жизни. А в те времена русская жизнь была еще со-

зидательной . . . Как легко, свободно и радостно текла жизнь в нашей мирной, великой Царской России! . . .

В ожидании поезда, по станционным платформам уже прогуливались местные жители. Из Бельцинской усадьбы пришли и молодые Бельцины, и Надеждины, и неразлучная с Оленькой подруга Аня Сперанская — дочь Петербургского врача, и местные помещицы. И вот, одна из них, шикарно одетая дама, указала своей подруге на всем уже известного в округе Леонида, проговорив при этом: «il n'est pas mal». И эти, сказанные в присутствии Ольги Николаевны, слова несказанно обрадовали молодого, пылкого Оленькина поклонника.

Мать Ольги Николаевны — Александра Семеновна относилась к ухаживаниям Леонида крайне враждебно и всегда мило приветствовала его брата Петра Алексеевича.

По счастью, братья за всю свою жизнь ни разу не оказались соперниками в любви к женщинам. Несмотря на соединявшую их дружбу и взаимное уважение, они по своим характерам, темпераментам, склонностям и привычкам были совершенно разными людьми. Красота и привлекательность Ольги Николаевны не производили на Петра Алексеевича никакого впечатления, и он не обращал на нее внимания.

Предприимчивость и бойкость Леонида пугали Александру Семеновну, и она с ужасом выслушивала проекты своей Оли организовать пикники. Александра Семеновна считала свою дочь недостаточно серьёзной и положительной, а Леонида Алексеевича ненадежным хранителем ее красоты и невинности и потому в период планирования пикников обращалась к Петру Алексеевичу с просьбой охранять Ольгу Николаевну. Она не уточняла свой просьбы указанием, от кого и от чего надлежит Петру Алексеевичу охранять ее дочь, но и без пояснений было совершенно ясно, что главную опасность она видела в Леониде, в его бойкости, и в недостаточной серьёзности Ольги Николаевны.

Страх Александры Семеновны перед мерещившейся ей опасностью пересилил стремления Оленьки к развлечениям, и проектировавшиеся ею пикники так и не состоялись.

Впрочем, Леонид и без пикников чувствовал себя не плохо. По утрам он ловил Оленьку на ее прогулках в верхнем парке, занимал ее разговорами и шутил с нею. Днем

они совершали более дальние прогулки по дороге, шедшей вдоль берега Луги, ну, а по вечерам он бывал уже, как говорят, на седьмом небе: вся, тесно сдружившаяся кампания забиралась в нижний парк, в котором были расставлены удобные садовые скамейки и столы. Когда вечерело и становилось холодновато, все садились на скамейки рядышком, кому с кем больше нравилось, а иногда прямо на большой, круглый стол, спинами друг к другу. Все, поочередно, рассказывали какие-нибудь смешные истории, приключения, анекдоты. Всем было весело, тепло и уютно. Все было вполне корректно и прилично, но в то же время и интимно, и эту интимность, плечо к плечу с Оленькой, Леонид блаженно чувствовал и в минуты этих «посиделок», и долго, долго после них — в своих воспоминаниях, мыслях и снах.

Ему было несказанно приятно сидеть рядом с Оленькой, но еще приятнее, еще дороже было сознание, что она, Оленька, допускает это и, может быть, это приятно и ей.

Приближалось двадцатое августа — день начала занятий в Петербургских гимназиях. Для Леонида наступал страшный день расставания с Оленькой. Его несколько утешила лишь одна из последних далеких прогулок всей кампании вместе с Оленькой.

Воспользовавшись моментом, когда никто из участвовавших в прогулке не мог ее видеть, Ольга Николаевна неожиданно подошла к Леониду сзади и охватив руками его голову, приложила к его губам свои пальчики, и Леонид нежно их поцеловал.

Утешало Леонида и то, что, перед отъездом в Петербург Надеждины и Бельцины взаимно приглашали друг друга продолжать свое летнее знакомство и в Петербурге. И действительно, вскоре, в одну из пятниц, Ольга Николаевна навестила Маргариту на их зимней квартире. Она очень мило пояснила, что была в этих краях и, воспользовавшись этим случаем, захотела навестить Маргариту. В завязавшемся у них оживленном разговоре она, между прочим, сообщила, что бывает в этих краях каждую пятницу потому, что очень чтит Часовню Спасителя и посещает в эти дни совершающиеся в ней Богослужения.

Надеждины жили в то время в казенном доме на Малой Дворянской улице, в двух шагах от той Часовни, в которую

приезжала молиться Оленька. И с этих пор каждую пятницу Леонид пропускал занятия в гимназии и поджидал приезда Ольги Николаевны на коночной остановке.

Ольга Николаевна не выражала своего удивления при виде поджидавшего ее Леонида; точно и в самом деле для него было более естественно встречать и провожать ее по городу, чем сидеть в душном классе 6-ой гимназии.

Вдоволь нагулявшись и наговорившись с Оленькой, Леонид возвращался, наконец, домой, а вечером скромно подходил к отцу с очередной просьбой написать классному наставнику записку о невозможности для него посетить в пятницу гимназию по случаю какой-нибудь, выдуманной им, болезни.

Так как Леонид приносил своему отцу четвертные отметки, состоявшие почти сплошь из пятерок, то отец легко подписывал эти записки о болезнях своего сына, не обращая никакого внимания на то, что пропуски занятий происходили только по пятницам. На закономерность таких заболеваний не обращал никакого внимания и классный наставник.

Так незаметно проходило время: на вечерах Леонид всегда приглашал Ольгу Николаевну на венский вальс, на Рождество посылал ей с посыльным конфеты в красивой коробке, на Пасхе большое шоколадное яйцо.

Какой удобный аппарат для влюбленных представляли собою посыльные в красных фуражках, стоявшие в городе почти на каждом углу наиболее оживленных улиц! Подойдешь, бывало, к нему с пакетиком, дашь адрес, да заплатишь двойную против таксы в 20 копеек плату, а он уже понимает, в чем тут дело и как нужно вести себя при передаче пакетика. И все действующие здесь лица всегда довольны: и поклонник, инкогнито посылающий барышне подношение, и барышня, получающая подарок «от неизвестного», и посыльный в своей красной фуражке.

Все шло у Леонида с Ольгой Николаевной хорошо до тех пор, пока не вздумал он написать ей свое, оказавшееся столь роковым для него, письмо.

Видал он ее, по сравнению с летним привольем, редко; танцевал с нею еще реже; тосковал он по ней и . . . любил. Любил горячо, нежно и восторженно и о своей молодой, первой любви не обмолвился он в своем письме к ней ни

словом. Писал он только о тех сильных впечатлениях, которые остались у него от проведенного на Преображенской лета, об общих и интимных прогулках, о летних знакомых, о гостивших у Ольги Николаевны подругах, словом обо всем, кроме своих признаний в любви, и все же его письмо было проникнуто такой любовью, такой нежностью к ней, что какими-то таинственными флюидами они перенеслись к ней и, может быть, смутно, иносказательно, но в то же время и решительно поставили перед нею вопрос: желает ли она рассматривать Леонида в скромной курточке гимназиста хотя бы будущим претендентом на ее руку и сердце. Этот вопрос находил себе подтверджение в последних словах письма Леонида, в которых он назначал ей свидание в театре.

В момент получения этого письма Ольга Николаевна испугалась решительности Леонида и преждевременно поставленного им, хотя и в скрытой форме, ультиматума.

Она была молода, красива, считала себя материально обеспеченной, стояла на пороге красивой, как ей казалось, жизни и, конечно, не хотела с пути легкого флирта переходить на серьёзные с Леонидом отношения, тем более, что она была годом старше его, а его будущность находилась еще в полном тумане.

Вскоре после отправки Леонидом своего злополучного письма он снова встретился с Ольгой Николаевной в одно из ее паломничеств в Часовню Спасителя. В это свидание она говорила Леониду о том неприличии, которое он позволил себе, приглашая ее на свидание. Можно было, думал Леонид, не принимать его приглашения, но обижаться на него не было, по его мнению, никакого основания.

Леониду ничего не оставалось, как покорно выслушать незаслуженное им нравоучение. Взаимный разговор после этого как-то не клеился. Они молча сели в конку, и Леонид проводил Ольгу Николаевну до ее дома.

Леонид понял Ольгу Николаевну и не обиделся на нее. Он даже стал думать о том, как бы сгладить у Ольги Николаевны то неприятное впечатление, которое она могла получить от посланного ей письма. Ему захотелось чем-нибудь развлечь Ольгу Николаевну, но не обычным способом, который мог показаться ей скучным, а каким-нибудь оригиналь-

ным и интересным для нее. И задумал он покатать ее на бойкой красивой вороной лошадке, в шикарной пролетке, которая находилась в распоряжении его отца, как Командира Петербургской Крепостной Артиллерии.

Леонид отлично понимал, что с ним вдвоем Оленька ни за что не поедет, и потому прибег к помощи своей сестры, предложив ей поехать покатать Оленьку. Сестра тотчас согласилась, позвонила к Ольге Николаевне по телефону и, получив ее согласие, велела запрягать.

Леонид, не долго думая, надел на себя все кучерские доспехи и подкладные подушки для того, чтобы казаться на козлах важным и солидным генеральским кучером.

Задуманный Леонидом маскарад начался. Выехав из ворот, Леонид бойко подъехал к генеральскому подъезду. Дежурный вестовой бросился докладывать генералу о том, что лошадь подана, и ожидавшая уже в передней, совсем готовая к выезду, сестра поспешно сбежала по парадной лестнице вниз и через широко раскрытую вестовым солдатом дверь вышла на тротуар и села в пролетку, Она узнала своего брата лишь в пути, по его голосу, когда он что-то ответил ей на ее приказание.

Ольга Николаевна, поджидавшая Надеждину у подъезда своего дома, тоже не обратила никакого внимания на солидного кучера, с шиком подкатившего к ней пролетку с весело улыбавшейся ей Маргаритой.

Только в середине поездки, когда они лихо неслись по людному Невскому, Морской и набережной Невы, Маргарита открыла Оленьке секрет устроенного Леонидом маскарада.

Леонид понимал натуру Оленьки, знал, что лишь что-нибудь оригинальное может понравиться ей и развеселить ее. И этот неожиданный маскарад, и лихая езда по многолюдным улицам шикарного Петербурга, и ее верный поклонник Леонид в маскарадном костюме важного кучера дали Оленьке то красочное впечатление, которое она с восторгом переживала, и о котором узнали все их общие знакомые, рассказывавшие друг другу о том удовольствии, которое испытала Оленька от оригинальной выдумки Леонида.

Этот маленький эпизод не мог, конечно, ничего изменить во взаимных отношениях Леонида и Ольги Николаевны.

Леонид очень хорошо понимал, что с момента его рокового письма их жизненные пути должны были разойтись. Он очень тяжело переживал этот разрыв и втечение многих лет не находил себе покоя, не имея сил освободиться от мучительных мыслей о ней. Их свидания становились все реже. Леонид понял, что Ольга Николаевна не может ответить на его чувства к ней, а легкий флирт с ней не мог его удовлетворить.

Годы шли. Несколько лет спустя Ольга Николаевна вышла замуж за Присяжного Поверенного Отт. Родилась дочка, но счастья не было. Муж променял ее вскоре на очень богатую вдову, а Ольга Николаевна, красота которой все больше расцветала, пленила собою сына богатейшего помещика одной из южных губерний, но и второй брак не дал ей счастья и, разойдясь со вторым мужем, она вместе с дочерью вернулась в отчий дом.

Вместе с нею, в ее заветной шкатулочке, вернулось и роковое письмо Леонида, которое разъединило их жизненные пути, а, может быть, разрушило и их счастье. Это скромное человеческое счастье без золотых блесток, слепящих людям глаза, часто лежит на жизненном пути человека, и люди проходят мимо, не замечая его. А ведь высшее счастье в жизни — это любовь, это та искра Божия, вложенная в сердце человека, которая, как самая страшная мировая сила, закаляет сильных и обжигает слабых.

Помните ли вы замечательную повесть Куприна «Гранатовый браслет»?

В ней любовь, как пламенный вихрь, пронесшийся мимо пользовавшейся семейным счастьем молодой княгини Веры, обожгла ей крылышки и внесла раскол в ее дальнейшую семейную жизнь, наглядно показав ей разницу между тем обожанием, которое она пробудила в нежной душе Желткова и теми обыденными, будничными чувствами, которые имел к ней ее муж. «И ночью», рассказывает Куприн, «когда муж пришел к ней, она вдруг сказала ему, повернувшись к стене, — я знаю, что этот человек убьет себя».

Может быть, роковое письмо Леонида, с которым Оленька не решалась расстаться, как с символом прошедшей мимо нее большой любви, при ее обостренной впечатлительности, сыграло в ее жизни роль Купринского гранатового браслета,

невольно заставив ее сравнивать любовь к себе Леонида с теми чувствами, с которыми подходили к ней мужчины, искавшие ее руки и сердца.

В первые годы революции Ольга Николаевна бежала с дочерью за границу и бесследно пропала в эмигрантском море.

Жизнь Леонида сложилась иначе. Долго и мучительно переживал он свою, неразделенную Оленькой, любовь к ней. Глубоко хранил он ее в сердце своем. Долго не допускал он в свое «святое святых» других женщин, а когда стали они появляться, то уже не в главном храме, а лишь в боковых приделах.

Неудача в любви закалила Леонида духовно тем более, что в своей первой молодой, горячей любви он изведал то, что не всем и каждому дано в жизни: томительные, всегда облагораживающие человека, горькие радости любви, хотя до конца и не разделенной, а его энергия, которой так щедро наградила его природа, пробила себе другое русло, широкое и многоводное, но не в любви к женщине, а в любви к самостоятельной, творческой работе, с описанием которой мы еще встретимся в наших дальнейших воспоминаниях.

А. Даниловский.

Подготовляются к печати следующие мемуары того же автора:

Воспоминания о жизни:

1) в Царской России (продолжения).
2) в «советском раю».
3) в оккупированных областях.
4) в Гитлеровских лагерях „Ost-Arbeiter“.
5) в Американской Зоне Германии.